ДОВЕРИТЕЛЬНАЯ ЛЕГИТИМНОСТЬ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ (СТРУКТУРА И МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИАГНОСТИКИ)

TRUST LEGITIMACY IN THE SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION UNDER CONDITIONS OF UNCERTAINTY (STRUCTURE AND METHODS OF SOCIAL DIAGNOSTICS)

УДК 316.3

МАКАРОВ Игорь Николаевич

MAKAROV Igor Nikolaevich

Аннотация. *В статье представлена концептуализация доверительной легитимности государственного управления как измеряемого конструкта, включающего три взаимосвязанные компоненты: доверие к институтам власти, восприятие справедливости управленческих решений и готовность к*

сотрудничеству с государственными структурами. Показано, что редукция легитимности к одномерным индикаторам доверия ограничивает интерпретацию и может приводить к ошибочным управленческим выводам в условиях неопределенности, когда ситуативные колебания общественных оценок усиливаются. На основе материалов диссертационного исследования предлагается логика построения интегрального индекса доверительной легитимности, опирающегося на сочетание массовых измерений, экспертных оценок и документального анализа. Описываются принципы нормирования показателей и требования к сопоставимости регионов, а также демонстрируются эмпирические различия значений индекса и его компонент в зависимости от институциональных моделей регионального управления.

Ключевые слова: *доверительная легитимность; институциональное доверие; справедливость решений; готовность к сотрудничеству; интегральный индекс; операционализация; региональный анализ; прозрачность; подотчетность; вовлеченность стейкхолдеров; государственное управление; неопределенность.*

Abstract. *This article presents a conceptualization of trust-based legitimacy in public administration as a measurable construct comprising three interrelated components: trust in government institutions, perception of the fairness of management decisions, and willingness to cooperate with government agencies. It is shown that reducing legitimacy to one-dimensional trust indicators limits interpretation and can lead to erroneous management conclusions in conditions of uncertainty, when situational fluctuations in public assessments are amplified. Based on the materials of this dissertation, the article proposes the logic for constructing an integrated index of trust-based legitimacy based on a combination of mass measurements, expert assessments, and documentary analysis. The article describes the principles of standardizing indicators and requirements for regional comparability, and demonstrates empirical differences in the values of the index and its components depending on institutional models of regional governance.*

Keywords: *Trust legitimacy; institutional trust; fairness of decisions; willingness to cooperate; integral index; operationalization; regional analysis; transparency; accountability; stakeholder involvement; public administration; uncertainty.*

В управлении все чаще приходится работать в режимах, где привычные источники устойчивости дают сбои. Риски нарастают быстрее, чем успевают обновляться регламенты; социальные ожидания становятся менее предсказуемыми; любая крупная ошибка мгновенно превращается в репутационный и политико-административный кризис. В таких условиях качество управления начинает зависеть от того, насколько решения принимаются и реализуются при наличии общественного согласия, готовности следовать правилам и поддерживать действия власти в ситуации неполной информации. Отсюда растет интерес к доверительной легитимности как к прикладному, управляемому ресурсу.

При этом в исследованиях часто происходит подмена: доверительная легитимность сводится к уровню доверия, измеряемому одним вопросом или небольшой батареей индикаторов [1; 3; 24]. Такая редукция удобна, но она повышает вероятность неверных выводов. Доверие может быть ситуативным, зависящим от краткосрочных событий, медийных эффектов или персоналий. Легитимность шире по смыслу и устойчивее по природе: она включает морально-нормативную оценку справедливости решений и практическую готовность людей взаимодействовать с институтами, а не только эмоциональную или когнитивную установку доверять [15; 16; 25].

Здесь возникает исследовательский разрыв. Даже когда доверие измеряется тщательно, часто не фиксируется внутренняя структура конструкта, не разделяются смысловые основания поддержки власти и поведенческая готовность к сотрудничеству. В результате управленческая интерпретация становится неопределенной. Можно получить высокий

уровень доверия при одновременном ощущении несправедливости решений и низкой готовности участвовать в совместных форматах. Можно увидеть умеренное доверие при высокой оценке процедурной справедливости и наличии устойчивых каналов участия [13; 14]. В обеих ситуациях управленческая стратегия будет различной, но простая метрика доверия этого не покажет.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы представить доверительную легитимность как измеряемый конструкт, собрать его из трех смысловых компонент и описать логику интегрального индекса, который позволяет отличать доверительную легитимность от простого доверия. В качестве задач последовательно решаются: концептуализация структуры конструкта; обоснование индикаторов и источников данных; описание процедуры построения индекса; демонстрация эмпирических различий по типам институциональных моделей; проверка связей индекса с институциональными механизмами и управленческой результативностью, включая регрессионные и медиаторные эффекты. Новизна подхода заключается в том, что доверительная легитимность рассматривается как составной, многоканально измеряемый результат институционального дизайна, а не как однофакторная установка населения.

Понятие легитимности в социально-политической теории связано с признанием права власти принимать обязательные решения и ожиданием их исполнения [14]. В современных интерпретациях легитимность понимается не только как абстрактное основание власти, но и как результат работы институтов, которые ежедневно воспроизводят приемлемость решений через процедуры, аргументацию и коммуникацию. В этом смысле продуктивным оказывается взгляд Ю. Хабермаса, который связывает устойчивость нормативного порядка с коммуникативной рациональностью и публичной обоснованностью, то есть с тем, насколько решения способны выдерживать критику и быть понятыми как оправданные в общезначимых терминах [25]. Такой подход важен для публичного управления, поскольку задает рамку, где

легитимность выступает следствием качества процедур и публичных причин, а не только следствием формального соответствия правилам.

Вопрос доверия в этой рамке приобретает прикладное измерение. Ряд ученых рассматривает доверие как ресурс социальной интеграции и условие воспроизводства предсказуемости в сложных обществах; при недостатке доверия растут затраты на контроль, согласование и защиту от неопределенности. Доверие нельзя свести к рациональному расчету: оно всегда содержит элемент признания и морального ожидания, а потому чувствительно к качеству институтов и к символике справедливости [15; 16]. Для управления это означает, что доверие выступает не только настроением или одобрением, но особым способом сшивания отношений между гражданином и институтом, который снижает транзакционные издержки и повышает управляемость.

Институциональный слой доверия особенно хорошо объясняется там, где институты задают правила и санкции, уменьшающие неопределенность и делающие поведение акторов более предсказуемым [17; 18; 20]. Если перенести этот тезис в сферу государственного управления, то доверие можно интерпретировать как эффект институциональной среды, которая обеспечивает понятность процедур, контролируемость власти и возможность обратной связи. В российской эмпирике этот взгляд развивают исследования институционального доверия, показывающие, что доверие к власти и государственным институтам имеет социокультурные основания и воспроизводится через устойчивые нормы взаимодействия [2; 8; 22]. В частности, Г.Ф. Ромашкина и В.А. Давыденко подчеркивают, что институциональное доверие не исчерпывается индивидуальными установками, оно укоренено в культурных ожиданиях и в опыте взаимодействия с институтами [22].

И.Н. Трофимова, анализируя структуру и динамику институционального доверия, показывает, что оно неоднородно и меняется по

различным направлениям, что важно для построения индексов: единая температура доверия не отражает внутренних различий и асимметрий [24].

Отдельная линия литературы связана с региональной спецификой институционального доверия. Т.П. Кожина в региональном срезе фиксирует, что доверие к институтам существенно дифференцируется территориально и связано с практиками управления, качеством институтов и характером взаимодействия власти с населением [12]. Такой вывод особенно релевантен исследованиям, ориентированным на межрегиональные сравнения: при одинаковых формальных правилах регионы могут различаться по реальной работоспособности процедур и по тому, насколько эти процедуры конвертируются в доверие и легитимность.

Существенную роль в формировании доверительной легитимности играет восприятие справедливости управленческих решений [10; 11]. Теория справедливости Дж. Ролза задает рамку, в которой легитимность связывается с принципами справедливого устройства институтов и с приемлемостью процедур распределения выгод и издержек. Для публичного управления этот подход важен тем, что поддержка решений может сохраняться даже в условиях конфликтов интересов, если процедура воспринимается как последовательная, понятная и равная для разных групп. В связке с доверием это дает важный методологический вывод: доверие и справедливость описывают разные основания поддержки, и измерение доверительной легитимности требует фиксации обоих слоев.

Наконец, методическая проблема измерения доверия и связанных конструктов имеет самостоятельную традицию. А.М. Алмакаева, рассматривая измерение генерализированного доверия в кросс-культурных исследованиях, показывает, насколько чувствительны результаты к формулировкам индикаторов и контексту, а также почему сопоставимость требует аккуратной операционализации [1]. В.О. Рукавишников также подчеркивает значимость корректного измерения доверия для межстрановых сравнений и проблему редукции сложного феномена к одному вопросу [23].

Эти работы позволяют обосновать необходимость индексного подхода и перехода от единичных индикаторов к составным шкалам, где можно удержать структуру конструкта и повысить валидность. В методологическом плане полезна и позиция В.А. Ядова, который акцентирует связку между теоретической концептуализацией и процедурой операционализации: измерение не должно быть механическим набором вопросов, оно должно быть продолжением теории и работать на объяснение [27].

Литература задает три опорные линии для данного исследования. Первая линия связывает легитимность с процедурами публичной обоснованности и институциональной работоспособностью, что особенно важно в управлении [9; 19]. Вторая линия рассматривает доверие как социальный ресурс и как институтосвязанный феномен, чувствительный к правилам и опыту взаимодействия [21]. Третья линия подчеркивает роль справедливости и методические требования к измерению сложных конструктов. На пересечении этих подходов доверительная легитимность может быть представлена как измеряемый конструкт с внутренней структурой, включающий доверие, восприятие справедливости решений и готовность к сотрудничеству, а также допускающий многоканальную эмпирическую проверку.

Доверительную легитимность целесообразно рассматривать как результирующее состояние отношений между институтами власти и обществом, при котором решения воспринимаются как заслуживающие принятия и исполнения, а взаимодействие с властью воспринимается как разумное, оправданное и потенциально взаимовыгодное. В этой формулировке присутствуют три смысловых слоя.

Первый слой связан с доверием к институтам власти. Это оценка надежности и предсказуемости, ожидание того, что власть действует в интересах общества, соблюдает правила и не злоупотребляет полномочиями [7; 26]. На уровне массовых установок доверие выполняет роль краткого когнитивного правила: если доверие выше, люди чаще готовы принимать

решения власти без постоянной проверки, что снижает издержки координации.

Второй слой связан с восприятием справедливости управленческих решений. Это оценка того, насколько решения соответствуют представлениям о должном и допустимом, насколько они обоснованы, последовательны, соразмерны, не выглядят произвольными. Справедливость выступает нормативным основанием легитимности: она стабилизирует поддержку даже при изменении контекста и снижает зависимость от конъюнктурных факторов.

Третий слой связан с готовностью к сотрудничеству. Здесь фиксируется поведенческий потенциал: склонность участвовать в совместных форматах, поддерживать решения через взаимодействие, включаться в общественные обсуждения, пользоваться каналами обратной связи. Готовность к сотрудничеству отражает практическую сторону легитимности. Даже при декларативно высоком доверии институциональная система будет уязвима, если люди не готовы взаимодействовать и предпочитают дистанцию, уход в частные стратегии, а в кризисах реагируют пассивностью или сопротивлением.

Эти три компоненты образуют единую конструкцию, но сохраняют относительную самостоятельность. В прикладном смысле это важно: разные управленческие меры поднимают разные компоненты. Прозрачность повышает предсказуемость и когнитивные основания доверия. Подотчетность усиливает ощущение контролируемости и снижает страх произвола, что влияет и на доверие, и на восприятие справедливости. Вовлеченность напрямую поддерживает справедливость и готовность к сотрудничеству, потому что создает процедурные формы учета интересов и совместного определения проблем.

Когда исследование ограничивается доверием, оно работает с одним измерением отношения к власти, пусть даже развернутым. Это дает полезную картину общего фона, но не позволяет понять, насколько доверие укоренено в устойчивых институциональных практиках. Интегральный индекс

доверительной легитимности устроен иначе: он собирает многомерный конструкт, где компоненты взаимно усиливают друг друга и вместе описывают качество институциональной связи.

Если доверие высокое, а справедливость оценивается низко, система поддержки становится хрупкой: она зависит от текущей повестки, личных фигур, медийного контекста [4; 5]. Если справедливость высокая, а доверие умеренное, возникает потенциал для роста доверия через институциональные улучшения: у людей есть основания считать правила приемлемыми [6], но недостаточно уверенности в надежности институтов. Если готовность к сотрудничеству низкая, легитимность носит скорее декларативный характер и плохо конвертируется в совместную реализацию решений, особенно в условиях неопределенности.

Отличие индекса также связано с источниками данных. Стандартные показатели доверия чаще строятся на опросе населения. Индекс доверительной легитимности в исследовательской логике может быть встроен в более широкую систему измерений: массовые установки дополняются документальными признаками институциональных процедур и экспертными оценками их фактической работоспособности. Это дает более плотную операционализацию и снижает риск того, что измерение отражает только краткосрочное настроение.

Чтобы индекс доверительной легитимности был валидным, он должен удовлетворять нескольким требованиям. Требуется концептуальная ясность: компоненты должны быть теоретически различимы и интерпретируемы. Требуется измерительная сопоставимость: разные шкалы должны приводиться к единой метрической основе. Требуется надежность: внутреннее согласие индикаторов должно быть достаточным, иначе индекс будет шумным. Требуется прикладная интерпретируемость: шкала должна позволять сравнивать территории и отслеживать динамику.

В исследовательской схеме индексы строятся через нормирование показателей, затем через интеграцию в составные шкалы. Важно, что индекс

доверительной легитимности выступает не конечной меткой, а связующим звеном между институциональными механизмами и управленческой результативностью. Такая постановка позволяет проверять медиаторные эффекты: насколько прозрачность, подотчетность и вовлеченность влияют на эффективность через доверительную легитимность как ресурс управляемости.

Эмпирическая логика основана на сочетании нескольких источников данных: массовый опрос населения, экспертный опрос, глубинные интервью, кейс-стади, анализ документов и статистические показатели результативности управления. Массовый опрос (N=2007) фиксирует установки населения, включая доверие и компоненты доверительной легитимности. Экспертный опрос (N=118) используется для оценки развитости механизмов прозрачности, подотчетности и вовлеченности. Анализ документов (N=120) дает формализованные признаки наличия процедур и регламентов. Статистический блок обеспечивает измерение эффективности управления по объективируемым показателям.

Индексы строятся по унифицированной шкале, обеспечивающей сопоставимость. На региональном уровне формируется база, позволяющая проводить корреляционный и регрессионный анализ (N=64 для регрессионной модели в диссертационном исследовании). Для проверки концептуальной модели используются последовательные процедуры: первичная очистка данных, нормирование индикаторов, расчет интегральных индексов, проверка внутренней согласованности, кластеризация для выделения типов институциональных моделей, затем регрессионные и медиаторные модели для проверки связей между механизмами, доверительной легитимностью и результативностью.

Далее в статье результаты иллюстрируются на подборке региональных кейсов, представляющих четыре типа институционального обеспечения доверительной легитимности: реактивный, процедурный, диалоговый и соуправленческий. Эти типы интерпретируются как пакеты институтов,

различающиеся тем, какие именно механизмы развиты системно, а какие существуют фрагментарно.

Перед обсуждением эмпирических зависимостей важно показать, как именно конструкт превращается в измеряемую систему показателей. В диссертационном исследовании доверительная легитимность задана как интегральная шкала (0-100), включающая доверие к власти, готовность к сотрудничеству и восприятие справедливости решений, измеряемые массовым опросом. Рядом с ней построены индексы механизмов прозрачности, подотчетности и вовлеченности, которые собираются на основе документов и экспертных оценок.

Ниже приведена таблица операционализации (таб. 1), расширенная так, чтобы внутри доверительной легитимности были явно выделены три компоненты с указанием источников и типовых шкал.

Таблица 1. *Операционализация доверительной легитимности и ключевых переменных исследования*

Переменная	**Компонент / блок**	**Индикаторы (примерная логика измерения)**	**Единица / шкала**	**Источник данных**	**Надежность (α)**
Прозрачность	Информационная открытость	доля органов власти, публикующих ежегодные отчеты; наличие открытых порталов данных; публичное обоснование решений	% (после нормирования в 0-100)	документы, экспертный опрос	0,83
Подотчетность	Контроль и ответственность	частота внешних аудитов; наличие института омбудсмена; регулярность отчетности перед	% (после нормирования в 0-100)	документы, интервью	0,81

		представительными органами			
Вовлеченность	Участие и обратная связь	доля решений с публичными консультациями; наличие платформ обратной связи; участие НКО в советах	% (после нормирования в 0-100)	экспертный и массовый опросы	0,86
Доверительная легитимность	1) Доверие к власти	доля респондентов, выражающих доверие институтам власти на региональном уровне (агрегация)	доля / % (нормирование, затем 0-100)	массовый опрос	входит в 0,88
Доверительная легитимность	2) Восприятие справедливости решений	средняя оценка справедливости управленческих решений (шкальный вопрос с последующей агрегацией)	средний балл (нормирование, затем 0-100)	массовый опрос	входит в 0,88
Доверительная легитимность	3) Готовность к сотрудничеству	доля респондентов, фиксирующих готовность участвовать и взаимодействовать в общественных форматах	доля / % (нормирование, затем 0-100)	массовый опрос	входит в 0,88
Эффективность управления	Результативность	скорость реагирования на кризисы; исполнение решений; индекс социальной стабильности (композит)	% / индекс (нормирование)	госстатистика	0,79

Важно подчеркнуть два момента. Во-первых, доверительная легитимность задается как составная шкала: доверие, справедливость и сотрудничество измеряются разными типами вопросов и отражают разные

основания поддержки. Во-вторых, она включена в общую институциональную модель как зависимая переменная по отношению к механизмам прозрачности, подотчетности и вовлеченности, а затем используется как объясняющая переменная для результативности управления. Именно это делает конструкт не декларативным термином, а измеряемым посредником между институциональным устройством и управленческими исходами.

Далее целесообразно показать, как ведет себя индекс доверительной легитимности при переходе от менее развитых институциональных пакетов к более развитым. В диссертационном исследовании выделены четыре модели. Реактивная модель характеризуется низкой развитостью вовлеченности и сравнительно слабой процедурной инфраструктурой. Процедурная модель демонстрирует усиление формальных стандартов, регламентов и контрольных процедур. Диалоговая модель добавляет устойчивые каналы взаимодействия и обратной связи. Соуправленческая модель предполагает максимальную институционализацию участия и совместной экспертизы.

Ниже приводится сводка средних значений индексов по типам моделей, построенная на иллюстративной выборке регионов, представляющих каждый тип (таб. 1).

Таблица 2. *Средние значения индексов по типам институциональных моделей (0-100)*

Тип модели	**Прозрачность**	**Подотчетность**	**Вовлеченность**	**Индекс доверительной легитимности**	**Эффективность управления**
Реактивная	43,0	40,3	27,5	37,2	61,3
Процедурная	61,0	57,0	49,4	53,7	71,7
Диалоговая	74,7	71,3	67,6	68,9	79,6
Соуправленческая	86,4	84,8	81,7	85,4	90,9

Картина здесь достаточно жесткая и, что важно, согласованная по всем индикаторам. При переходе от реактивной к процедурной модели заметно растут прозрачность и подотчетность, а вместе с ними повышается индекс доверительной легитимности. Это хорошо соответствует теоретической логике: стандарты раскрытия информации и контрольные процедуры снижают ощущение произвола и повышают предсказуемость. Однако на этом шаге вовлеченность остается средне-низкой, поэтому рост доверительной легитимности ограничен.

На следующем шаге, при переходе к диалоговой модели, подтягивается вовлеченность. Одновременно происходит рост доверительной легитимности почти на пятнадцать пунктов, а эффективность управления увеличивается примерно на восемь пунктов. Здесь уже просматривается связь между институционализированным взаимодействием и управляемостью: участие повышает качество определения проблем, снижает конфликтность реализации и создает ощущение справедливости, которое поддерживает доверие.

Соуправленческая модель дает максимальные значения по всем индексам. Особенно показательно, что доверительная легитимность здесь высока на фоне высокой вовлеченности. Это позволяет интерпретировать доверительную легитимность как эффект не только информационной открытости и контроля, но и процедур совместного участия, которые преобразуют формальные институты в работающую инфраструктуру согласия.

Чтобы показать, что доверительная легитимность связана с механизмами институционального обеспечения системно, полезно посмотреть на корреляционную структуру переменных (таб. 3). Если бы индекс доверительной легитимности отражал только эмоциональный фон или краткосрочную оценку, связи с институциональными показателями были бы слабее и менее согласованными.

Таблица 3. *Корреляционная матрица индексов (N=64, коэффициенты Пирсона)*

Переменные	**Прозрачность**	**Подотчетность**	**Вовлеченность**	**Индекс доверительной легитимности**	**Эффективность**
Прозрачность	1,00	0,78	0,73	0,69	0,65
Подотчетность	0,78	1,00	0,75	0,72	0,68
Вовлеченность	0,73	0,75	1,00	0,81	0,74
Индекс доверительной легитимности	0,69	0,72	0,81	1,00	0,83
Эффективность	0,65	0,68	0,74	0,83	1,00

Матрица показывает несколько важных вещей. Во-первых, механизмы прозрачности, подотчетности и вовлеченности тесно связаны между собой. Это ожидаемо, потому что в реальном институциональном дизайне они часто идут пакетом: развитие одного механизма тянет за собой другие, особенно при наличии политической воли и административных ресурсов.

Во-вторых, индекс доверительной легитимности имеет наиболее сильную связь с вовлеченностью (0,81), а также устойчивые связи с прозрачностью (0,69) и подотчетностью (0,72). Такая структура поддерживает идею о том, что доверительная легитимность воспроизводится через институты участия и обратной связи особенно эффективно. При этом прозрачность и подотчетность остаются значимыми и, судя по корреляциям, выступают фундаментом предсказуемости и контролируемости власти.

В-третьих, связь доверительной легитимности с эффективностью управления наиболее высокая в таблице (0,83). В прикладном плане это означает, что индекс доверительной легитимности можно рассматривать как диагностический показатель управляемости через согласие. Чем выше доверительная легитимность, тем выше вероятность, что решения

реализуются быстрее, с меньшими потерями и меньшей конфликтностью, а значит, выше результативность.

Корреляции дают общую картину, но для интерпретации вклада механизмов нужна регрессионная модель. В диссертационном исследовании доверительная легитимность регрессируется на три механизма. Это позволяет увидеть, какой вклад сохраняется при контроле остальных факторов (таб. 4).

Таблица 4. *Регрессионные и медиаторные эффекты: вклад механизмов в доверительную легитимность и эффективность*

Переменная	**Прозрачность**	**Подотчетность**	**Вовлеченность**
β в модели доверительной легитимности	0,27	0,22	0,41
SE	0,08	0,07	0,06
t	3,41	3,13	6,54
p	0,001	0,002	< 0,001
Прямой эффект на эффективность (β_1)	0,18	0,16	0,22
Косвенный через доверительную легитимность (β_2)	0,23	0,21	0,32
Общий эффект (β_t)	0,41	0,37	0,54
p bootstrap (5000)	0,004	0,006	0,001

В регрессионной части видно, что все три механизма значимы как предикторы доверительной легитимности. При этом наибольший стандартизированный коэффициент у вовлеченности (0,41). Этот результат логичен с точки зрения структуры конструкта. Доверительная легитимность включает готовность к сотрудничеству и оценку справедливости решений, а эти основания наиболее чувствительны к наличию процедур участия, обратной связи и совместной экспертизы. Прозрачность и подотчетность тоже повышают доверительную легитимность, однако их влияние, судя по коэффициентам, слабее. Это можно объяснять тем, что раскрытие информации и контрольные процедуры создают необходимый базис предсказуемости, но без участия они хуже конвертируются в поведенческую готовность сотрудничать и в устойчивую оценку справедливости.

Медиаторная часть добавляет более прикладной смысл. Для всех механизмов значимы косвенные эффекты через доверительную легитимность. Иными словами, механизмы повышают эффективность управления в том числе потому, что повышают доверительную легитимность как ресурс управляемости. Наиболее крупный общий эффект снова у вовлеченности (0,54), и значительная часть этого эффекта проходит через доверительную легитимность (0,32). Это хорошо согласуется с логикой совместного определения проблем: вовлеченность снижает транзакционные издержки согласования, повышает приемлемость решений, укрепляет готовность к сотрудничеству, что ускоряет реализацию и повышает результативность.

Отдельно стоит подчеркнуть, что прямые эффекты механизмов на эффективность также сохраняются. Это означает, что прозрачность, подотчетность и вовлеченность работают двояко: с одной стороны, они улучшают управленческие процессы непосредственно (например, через дисциплину исполнения, снижение коррупционных рисков, расширение информационной базы), с другой стороны, они действуют через социально-психологический и институциональный ресурс доверительной легитимности.

Возвращаясь к исходной идее о трехкомпонентной структуре доверительной легитимности, можно сделать несколько аккуратных выводов.

Первый вывод связан с диагностикой. Интегральный индекс становится полезным управленческим инструментом только тогда, когда за ним стоит понятная конструкция. Если индекс снижается, требуется понимать, за счет чего именно: падает доверие к институтам, ухудшается восприятие справедливости, либо уходит готовность сотрудничать. Это разные управленческие проблемы и разные наборы решений. Прозрачность может лечить дефицит предсказуемости и снижать тревожность. Подотчетность укрепляет ощущение контролируемости и снижает толерантность к произволу. Вовлеченность поднимает качество согласования интересов и, как показывает регрессионная модель, особенно сильно связана с доверительной легитимностью.

Второй вывод связан со стратегией реформ. Таблицы показывают, что рост доверительной легитимности устойчиво сопровождает переход от реактивного и процедурного пакета к диалоговому и соуправленческому. Это поддерживает практическую идею: одних стандартов раскрытия информации и контрольных процедур часто недостаточно, чтобы вывести систему на высокий уровень доверительной легитимности. Нужны устойчивые каналы участия и совместной экспертизы, причем такие, которые воспринимаются как реальные, влияющие на решения, а не как формальные события.

Третий вывод связан с управлением в неопределенности. В кризисах и ситуациях высокой динамики институциональная система испытывает давление: возрастает цена ошибок, усиливается требование скорости, повышается вероятность конфликтов. В таких условиях доверительная легитимность начинает выполнять роль буфера, который снижает сопротивление и поддерживает готовность сотрудничать. Медиаторные эффекты показывают, что доверительная легитимность действительно работает как канал, через который институциональные механизмы превращаются в результативность.

В итоге доверительная легитимность как измеряемый конструкт можно рассматривать как интегральный показатель качества институционального взаимодействия. Его ключевое достоинство в том, что он соединяет психологический слой доверия, нормативный слой справедливости и поведенческий слой сотрудничества, а затем связывает эту конструкцию с измеряемыми характеристиками институционального дизайна.

Доверительную легитимность имеет смысл измерять как составной конструкт, потому что она включает разные основания поддержки власти и разные механизмы воспроизводства управляемости. В статье показано, как доверительная легитимность собирается из трех компонент: доверия, восприятия справедливости решений и готовности к сотрудничеству, а также как эта конструкция превращается в интегральный индекс, сопоставимый по регионам.

Эмпирические результаты подтверждают, что доверительная легитимность системно связана с институциональными механизмами прозрачности, подотчетности и вовлеченности, причем вовлеченность выступает наиболее сильным предиктором доверительной легитимности при контроле остальных механизмов. Также показано, что доверительная легитимность выполняет медиаторную функцию: через нее значительная часть влияния институциональных механизмов конвертируется в эффективность управления.

Практический смысл трехкомпонентной модели состоит в том, что она дает более точную диагностику управленческих рисков и более конкретные направления институционального дизайна. Для повышения доверительной легитимности важно развивать устойчивые каналы обратной связи, процедуры совместной экспертизы и механизмы участия, при этом поддерживая базовые стандарты прозрачности и подотчетности. В такой связке доверительная легитимность перестает быть абстрактным термином и становится измеряемым ресурсом управляемости в условиях неопределенности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алмакаева А.М. Измерение генерализированного (обобщенного) доверия в кросс-культурных исследованиях // Социологические исследования. 2014. № 11. С. 32-43.
2. Веремчук В.И., Поплевкин Н.П. Институциональное управление процессом социализации военнослужащих по контракту // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. № 2 (839). С. 182-188.
3. Губенко М.С. Социальное пространство: теоретический аспект // Искусство и образование. 2016. № 5 (103). С. 7-15.
4. Губенко М.С. Телевизионная коммуникация как фактор виртуализации массового сознания: дисс. … кандидата философских наук. М.: ВУ, 2009. 164 с.

5. Губенко М.С. Телекоммуникационные технологии в современном социальном пространстве // Вестник университета. 2014. № 6. С. 173-176.
6. Губенко М.С. Актуальные проблемы формирования патриотизма у военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации в системе военно-политической работы / М.С. Губенко, С.В. Моряков // Вестник адъюнкта. 2020. №1. [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik-adyunkta.ru (дата обращения: 05.05.2024).
7. Густова Е.А. Современные профессии: состояние, прогнозы и перспективы развития / Е.А. Густова, С.Л. Евенко // Прикладная психология: современное состояние, эффективность исследований, перспективы развития. Сборник материалов Международной научно-практической конференции XII Левитовские чтения, Москва, 19-20 апреля 2017 года. М.: Московский государственный областной университет, 2017. С. 43-44.
8. Евенко С.Л. Государственные стратегии управления рисками социальной адаптации российских военнослужащих, уволенных в запас / С.Л. Евенко, И.А. Попов // Власть. 2020. Т. 28. № 3. С. 129-135.
9. Евенко С.Л. Уклонение от военной службы военнослужащих, проходящих военную службу по призыву в Вооруженных Силах Российской Федерации (состояние и пути минимизации): дисс. … кандидата социологических наук. Москва, 2001. 206 с.
10. Ерохин Е.Г. Методика типологического анализа управленческой культуры офицера в воинском подразделении ВС РФ // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 1. С. 256-260.
11. Ерохин Е.Г. Результаты социологического исследования современного состояния управленческой культуры офицера в воинском подразделении Вооруженных Сил Российской Федерации // Социология. 2019. № 5. С. 42-47.
12. Кожина Т.П. Институциональное доверие: региональный аспект // Проблемы развития территории. 2013. № 3 (65). С. 100-115.

13. Левада Ю.А. Механизмы и функции общественного доверия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 3. С. 7-12.
14. Некрасов Д.В. Гуманитарные интервенции в современных геополитических процессах / Д. В. Некрасов, М. С. Васильева // Евразийский юридический журнал. 2023. № 9 (184). С. 311-313.
15. Некрасов Д.В. Мораль, политика, война в философии Иммануила Канта // Евразийский юридический журнал. 2022. № 9 (172). С. 541-542.
16. Некрасов Д.В. Особенности трактовки морали и политики в российской философской мысли допетровской эпохи // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. № 7 (64). С. 98-102.
17. Погребной Д.Н. К вопросу о социальном управлении служебным поведением военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 2. С. 339-344.
18. Погребной Д.Н. Служебное поведение военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации: современное состояние и пути оптимизации: дисс. … кандидата социологических наук. М.: ВУ, 2022. 212 с.
19. Погребной Д.Н. Социальная активность военнослужащих как компонент служебного поведения // Социология. 2020. № 6. С. 112-116.
20. Поплевкин Н.П. Институциональное управление социализацией военнослужащих, проходящих военную службу по контракту в Вооруженных Силах Российской Федерации: дисс. … кандидата социологических наук. М.: ВУ, 2019. 200 с.
21. Поплевкин Н.П. Особенности институционального управления профессиональной социализацией военнослужащих контрактной службы // Социология. 2018. № 3. С. 208-211.
22. Ромашкина Г.Ф., Давыденко В.А. Социокультурные основания институционального доверия // Власть. 2014. Том 22. № 12. С. 122-130.
23. Рукавишников В.О. Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 17-25.

24. Трофимова И.Н. Структура и динамика институционального доверия в современном российском обществе // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 68-75.
25. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. 380 с.
26. Шульга Т.И. Новые направления кадровой политики специалистов (разработка профессиональных стандартов) / Т.И. Шульга, С.Л. Евенко // Педагогическое образование и наука. 2014. № 3. С. 120-123.
27. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 2001. 567 с.

REFERENCES:

1. Almakaeva A.M. Measuring Generalized Trust in Cross-Cultural Studies // Sociological Studies. 2014. No. 11. Pp. 32-43.
2. Veremchuk V.I., Poplevkin N.P. Institutional Management of the Socialization Process of Contract Military Personnel // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2020. No. 2 (839). Pp. 182-188.
3. Gubenko M.S. Social Space: Theoretical Aspect // Art and Education. 2016. No. 5 (103). Pp. 7-15.
4. Gubenko M.S. Television Communication as a Factor in the Virtualization of Mass Consciousness: Diss. … Candidate of Philosophical Sciences. Moscow: VU, 2009. 164 p.
5. Gubenko M.S. Telecommunication technologies in the modern social space // Bulletin of the University. 2014. No. 6. Pp. 173-176.
6. Gubenko M.S. Actual problems of forming patriotism among servicemen of the Armed Forces of the Russian Federation in the system of military-political work / M.S. Gubenko, S.V. Moryakov // Adjunkt's Bulletin. 2020. №1. [Electronic resource]. URL: http://vestnik-adyunkta.ru (Access date: 05.05.2021).

7. Gustova E.A. Modern professions: state, forecasts and development prospects / E.A. Gustova, S.L. Evenko // Applied psychology: current state, research effectiveness, development prospects. Collection of materials from the International scientific and practical conference "The XII Levitovsky Readings", Moscow, April 19-20, 2017. Moscow: Moscow State Regional University, 2017. Pp. 43-44.
8. Evenko S.L. State strategies for managing the risks of social adaptation of Russian military personnel discharged from the reserve / S.L. Evenko, I.A. Popov // Vlast. 2020. Vol. 28. No. 3. Pp. 129-135.
9. Evenko S.L. Military service evasion by conscripts in the Armed Forces of the Russian Federation (status and ways to minimize it): diss. … Candidate of Sociological Sciences. Moscow, 2001. 206 p.
10. Erokhin E.G. Methodology of typological analysis of the managerial culture of an officer in a military unit of the RF Armed Forces // Social and humanitarian knowledge. 2020. No. 1. Pp. 256-260.
11. Erokhin E.G. Results of a sociological study of the current state of the managerial culture of an officer in a military unit of the Russian Armed Forces // Sociology. 2019. No. 5. Pp. 42-47.
12. Kozhina T.P. Institutional trust: regional aspect // Problems of territorial development. 2013. No. 3 (65). Pp. 100-115.
13. Levada Yu.A. Mechanisms and functions of public trust // Monitoring public opinion: economic and social changes. 2001. No. 3. Pp. 7-12.
14. Nekrasov D.V. Humanitarian interventions in modern geopolitical processes / D.V. Nekrasov, M.S. Vasilyeva // Eurasian Law Journal. 2023. No. 9 (184). Pp. 311-313.
15. Nekrasov D.V. Morality, politics, war in the philosophy of Immanuel Kant // Eurasian Law Journal. 2022. No. 9 (172). Pp. 541-542.
16. Nekrasov D.V. Features of the Interpretation of Morality and Politics in Russian Philosophical Thought of the Pre-Petrine Era // Mission of Confessions. 2022. Vol. 11. No. 7 (64). Pp. 98-102.

17. Pogrebnoy D.N. On the issue of social management of the official behavior of military personnel of the Armed Forces of the Russian Federation // Social and humanitarian knowledge. 2020. No. 2. Pp. 339-344.
18. Pogrebnoy D.N. Official behavior of servicemen of the Armed Forces of the Russian Federation: current state and ways of optimization: diss. … Candidate of Sociological Sciences. Moscow: VU, 2022. 212 p.
19. Pogrebnoy D.N. Social activity of servicemen as a component of official behavior // Sociology. 2020. No. 6. Pp. 112-116.
20. Poplevkin N.P. Institutional management of socialization of servicemen serving under contract in the Armed Forces of the Russian Federation: diss. … Candidate of Sociological Sciences. Moscow: VU, 2019. 200 p.
21. Poplevkin N.P. Features of institutional management of professional socialization of contract servicemen // Sociology. 2018. No. 3. Pp. 208-211.
22. Romashkina G.F., Davydenko V.A. Sociocultural Foundations of Institutional Trust // Vlast. 2014. Vol. 22. No. 12. Pp. 122-130.
23. Rukavishnikov V.O. Interpersonal Trust: Measurement and Cross-Country Comparisons // Sociological Research. 2008. No. 2. Pp. 17-25.
24. Trofimova I.N. Structure and Dynamics of Institutional Trust in Modern Russian Society // Sociological Research. 2017. No. 5. Pp. 68-75.
25. Habermas J. Moral Consciousness and Communicative Action. St. Petersburg: Nauka, 2000. 380 p.
26. Shulga T.I. New directions of personnel policy for specialists (development of professional standards) / T.I. Shulga, S.L. Evenko // Pedagogical education and science. 2014. No. 3. Pp. 120-123.
27. Yadov V.A. Strategy of sociological research. Description, explanation, understanding of social reality. Moscow: Dobrosvet, 2001. 567 p.

Макаров Игорь Николаевич
соискатель кафедры социологии
Военный университет имени князя Александра Невского
123001, г. Москва, Б. Садовая ул., д. 14, стр. 1.
mackarof1112@mail.ru

Makarov Igor Nikolaevich
Applicant for a degree at the Department of Sociology
Military University named after Prince Alexander Nevsky
B. Sadovaya ul., d.14, building 1, Moscow, Russia, 123001

5.4.7. Социология управления.